

Emich, Birgit / Signori, Gabriela (Hg.): Kriegsbilder in Mittelalter und Früher Neuzeit, (Zeitschrift für historische Forschung, Beiheft 42), Berlin: Duncker & Humblot 2009. ISSN 0931-5268; ISBN 978-3-428-12944-7.

Эмих, Биргит / Зиньори, Габриэла (отв. ред.): Образы войны в Средневековье и Раннем Новом времени (Журнал исторических исследований, приложение 42), Берлин: Дункер и Хумблот 2009. ISSN 0931-5268; ISBN 978-3-428-12944-7.

Рецензент / Rezensent:

Михаил Бойцов / Michail Bojcov

Несколько десятилетий назад в изучении истории войн произошел существенный поворот. Вместо прослеживания хода операций, подсчитывания трофеев и потерь историки занялись двумя взаимосвязанными комплексами тем: во-первых, повседневностью войны, социальными практиками, возникавшими в ее условиях, и, во-вторых, переживаниями обычных людей, застигнутых войной.

Сегодня, похоже, мы вправе констатировать новый поворот: вместо социальных *практик* исследователей начинают больше интересовать *представления*, а на смену *индивидуализирующему* методу исследования возвращается взгляд скорее *обобщающий*, однако на совсем иных основаниях, чем ранее. В центре внимания историков оказываются *групповые образы* войны. При этом речь идет не о ментальностях, предзаданных как индивиду, так и сообществу, но об образах, которые *конструируются* группой по мере выстраивания ею собственного исторического нарратива по поводу значимых военных событий. Рецензируемый сборник является удачным примером реализации именно такой исследовательской установки.

Книга состоит из 11 статей и введения. Во введении (24-29) приводится полезный список публикаций 1989-2008 гг. по истории войн. Однако важнее, конечно, изложение исследовательских принципов, которыми руководствовались составители и авторы. Они справедливо исходят из того, что историку не следует принимать ни описания, ни изображения военных сцен за точное отражение действительности. Их создатели всегда руководствовались собственными интересами, пользовались готовыми формулами и следовали сложившимся традициям: Никита Хониат описывал разгром Константинополя в 1204 г. словами «Илиады». Из подобных же кирпичиков складывал Рубенс сложную «Аллегорию войны» (Ульрих Хайнен, «Марс и Венера»), а нюрнбергские поэты времен Тридцатилетней войны слагали «Жалобы Германии» (статья Дирка Нифангера). Казалось бы автобиографические заметки европейцев, вернувшихся из османского плена (статья Петера

Буршеля) оказываются контаминациями библейских мест и сюжетов из легенд о христианских мучениках. Целью же их составления оказывается стремление не поведать о пережитом на чужбине, а защитить автора от возможных упреков. Не только образы иноверцев-турок, но, как показывает Симона Сланицка на примере войны между арманьяками и бургиньонами и Варфоломеевской ночи, любые образы врага строились на основе моделей, взятых из Библии, раннехристианских сказаний и агиографии. Используемые формулы приспособлялись для любых носителей информации: изображений, песен и хроник.

Авторы сразу трех статей сопоставляют средневековые рыцарские и городские хроники, приходя к нескольким различным результатам. Согласно Штефани Рютер, рыцарская хронистика представляла войну цепью ярких событий, героических деяний и личных подвигов, тогда как городская рисовала ее как заурядную повседневность. Вызвано это тем, что рыцарские хроники распространяли ценности знати за ее социальные пределы, тогда как городские хронисты обращались к аудитории *внутри* города, т.е. к тем, кто нес главное бремя постоянных военных кампаний. (Стереотип средневекового города как мирного сообщества, прибегающего к оружию только при нападении извне, далек от действительности). По мнению Мальте Прицеля («Смерть на поле брани»), рыцарские хронисты времен Столетней войны придерживались определенных конвенций, отражавших систему ценностей знати. Так, они никогда не писали о страданиях раненых, но охотно рассказывали о гибели своих героев, давая тем самым читателям образцы достойной героической смерти. Зверства же на войне могут совершаться только нехристями. Зато швейцарские хронисты, чуждые рыцарской этики, не стеснялись кровавых описаний избиения «своими» знатных противников. Михель Юкер сравнивает не тексты хроник, а иллюстрации к ним. У него выходит, что в рыцарских хрониках изображали грубое насилие, только если оно было направлено против иноверцев. Зато на страницах хроник городских сцены насилия можно видеть часто. И хотя это всякий раз действия «чужих», исследователь подозревает, что целью таких изображений было не только представить врага неисправимым грешником, но и оправдать «ответное» насилие. В любом случае обе группы хроник – каждая на свой лад – редуцируют сведения, относящиеся к той или иной войне, и решительно их перерабатывают. Характерный пример сходного редуцирования из совсем иной эпохи приводит Мариан Фюссель («Изобразить неизобразимое»), прослеживая, как историческая память о столь сложном событии как битва при Цорндорфе (1758 г.) оказалась сведена в конечном счете всего к нескольким клишированным эпизодам.

В двух статьях анализируется одна и та же информационная ситуация: выстраивание и распространение удобной «истории» военного захвата города: Вольфганг Кайзер пишет об осаде и взятии Марселя войсками французского короля в 1596 г., а Биргит Эмих – о захвате и сожжении Магдебурга в 1631 г. В обоих случаях современники использовали метафору брака

города с его победителем. В Марселе, правда, она оказалась подчинена выгодной местной верхушке концепции, будто горожане сами восстали против испанцев и открыли ворота Генриху IV. Зато по поводу захвата Магдебурга «брак» стал центральным образом как для католиков, так и для протестантов. В одном случае речь шла об упрямой девице, которую пришлось силой вести под венец и очищать от скверны ереси, а в другом – о насильственном овладении благочестивой девой, которая то ли сохранила в чистоте душу, вынужденно утратив непорочность тела, то ли, последовав примеру Лукреции, предпочла погибнуть в пламени пожаров.

Если в 1631 г. зарисовывать улицы разгромленного Магдебурга никому не приходило в голову, то уже вскоре, как показывает Хорст Карл («Брюссель, 1695»), публике потребовались не аллегорические, а достоверные изображения разбомбленного французской артиллерией Брюсселя. В стремлении к максимальной точности художник использовал даже камеру-обскуру, но его гравюры все равно нельзя назвать строго реалистическими. Художники XVII – XVIII вв. эстетизировали действительность: у них разрушенные войнами города представляли подобиями античных руин.

Из приведенного обзора понятно, что сюжеты, выбранные создателями сборника, весьма сложны – прежде всего своей междисциплинарностью. Отсюда и некоторые неточности, например, в трактовке изображений. Так, на известной миниатюре из «Роскошного часослова» герцога Беррийского С. Сланицка обнаруживает у одного персонажа перевязь – «партийный знак» арманьяков. (105, 106) Между тем лиц, прислуживающих за княжеским столом, задолго до арманьяков изображали с длинными и узкими «салфетками», порой повязывавшимися через плечо. Не менее сомнительна трактовка Михаэлом Юкером одной сцены в «Бернской хронике» Дибольда Шиллинга (142-143) как изображения сексуального насилия над монахиней. Со слов самого хрониста (144) понятно, что смысл сцены следует понимать в контексте стереотипа: враги крайне жестоко обращаются с детьми своих противников. (Негативный образец здесь избиение младенцев Иродом). Соответственно и зверство бургундца на миниатюре состоит не в домогательстве им «монахини», а в том, что он бьет ногой в живот беременную женщину.

При всем многообразии сюжетов, затрагиваемых в сборнике, он производит целостное впечатление благодаря сходству методических установок авторов и тому, что тема каждого частного исследования выводит на проблемы общего плана. Книга является хорошим вкладом в «новую историю войн». Очень хотелось бы, чтобы использованные в ней подходы нашли бы скорейшее применение и у российских историков.